

З.И. Резанова, О.В. Комиссарова

Томский государственный университет

Томский политехнический университет

**Метафора в моделировании гендерных оппозиций:
фрагмент русской языковой картины мира**

Аннотация: В статье представлены результаты того, как маркируются гендерные оппозиции в системе метафорических номинации в русской языковой картине мира. В анализ вовлекаются три базовых компонента структуры метафорического значения: исходный образ, результирующее метафорическое значение и основание метафорического уподобления.

The article reveals the investigation results which indicate how gender oppositions are marked in the system of metaphoric nominations in the Russian language picture of the world. The analysis deals with three basic structural components of metaphoric meaning: referent image (direct nominative meaning), resultant image (metaphoric meaning) and correlation base of direct nominative and resultant meanings.

Ключевые слова: гендер, метафора, гендерно маркированная метафора, гендерно немаркированная метафора, языковая картина мира.

Gender, metaphor, gender marked metaphor, gender unmarked metaphor, language picture of the world.

УДК: 811.

Контактная информация: Томск, пр. Ленина, 30. ТПУ, ИМОЯК; пр. Ленина, 34. ТГУ, филологический факультет. Тел. (83822) 534899; 563585. E-mail: ok_kom@mail; ru_resso@mail.ru.

В статье представлены результаты изучения того, как маркируются гендерные оппозиции в системе метафорических номинаций в русской языковой картине мира, характеризуются их содержательные аспекты. В качестве *гендерных метафор* мы рассматриваем метафорические именованья мужчин и женщин, являющиеся средством языковой репрезентации «типично мужских» и «типично женских» качеств на основе уподобления явлениям разных понятийных рядов¹ [Резанова, 2011, с. 48].

К анализу привлекались как узуальные лексические метафорические номинации лица (источник – толковые словари современного русского литературного языка [Большой толковый словарь, 2005; Словарь русского языка, 1981; Большой академический словарь, 2004–2010] и др.), так и авторские, окказиональные метафоры (источник – специальные словари образной лексики [Кожевникова, Петрова, 2000; Павлович, 1999]) и текстовые данные [Русский национальный корпус]. Всего было проанализировано 287 единиц в около 117 000 контекстах.

---

¹ Ср. другое применение термина: «Гендерная метафора – перенос не только физических, но и всей совокупности духовных качеств и свойств, объединенных словами женственность и мужественность, на предметы, непосредственно с полом не связанные (*мужественность немецкого национального характера vs женственность русского национального характера*)» [Словарь гендерных терминов].

Проанализированные метафоры входят в общий класс метафорических именовании лица, дифференцируясь в его рамках на основе более узкой, направленной денотативной отнесенности (ср. метафорические именовании «человека вообще»: *зверь* ‘о чрезвычайно жестоком, бессердечном, грубом человеке’ – Иван Иванович хорошо знал отца Вахнова, который был в полном смысле слова *зверь*, по свирепости и крутости нрава. Н. Гарин-Михайловский (БАС); мужчины: *геркулес* ‘о мужчине, обладающем необыкновенной физической силой и атлетическим телосложением, богатырь’ – [Архип] широкой кости, железных мускулов человек, гигантского роста... Мощь и сила так и бьют в каждой его мышце. А между тем по лицу этого *геркулеса* расплывается благодущие, робость. Н. Златовратский (ССРЛЯ); женщины: *выдра* ‘о худой и некрасивой женщине’ – Он как-то сразу возненавидел белобрысую англичанку, смотрящую на него, как на дикаря. «Этакая *выдра!*» – думал Галактион. Мамин-Сибиряк (БАС).

Являясь подклассом метафорических наименований лица, гендерные метафоры этого типа наследуют их семантические и функциональные особенности. В когнитивной типологии рассматриваемые именовании человека относятся к типу структурных метафор, в которых понятийные сферы «мужчина» и «женщина» структурируются в терминах других понятийных сфер – «растение», «животное», «артефакт» и др. Специфика образной перестройки сферы-источника осуществляется в условиях функциональной текстовой актуализации метафорических имен. Метафорические характеризующие имена этого типа тяготеют к позиции предиката в высказывании, их семантика является результатом когнитивной операции анализа – вычленения одного признака в качестве базового и именовании человека по данному признаку, ср.: *говорун, учитель, носильщик, газетчик, писатель* и *бревно* ‘бесчувственный человек’, *гора* ‘очень полный, тучный человек’, *пышка* ‘полная женщина’, *бочка* ‘полный человек’. Отметим, что базой формирования таких предикативных метафор, сохраняющих живую образность и тяготеющих к оценочности, являются, как правило, имена с идентифицирующей функцией и многоаспектной, гетерогенной семантикой¹ (ср.: *гора* 1. ‘Значительная возвышенность, выделяющаяся среди окружающей местности или в цепи других возвышенностей’ → 2. ‘Об очень полном, тучном человеке’) (ССРЛЯ). В результате формируется особая семантическая структура метафорического значения, соединяющая в себе результаты когнитивных операций анализа – вычленения одного признака, и синтеза – его отождествления / уподобления с исходным гетерогенным, многоаспектным образом. Это особое семантическое свойство метафорической номинации обуславливает своеобразие моделирующего потенциала метафорического имени в языковой картине мира.

При интерпретации моделирующей функции метафорической номинации важно учитывать все три базовых компонента структуры метафорического значения: результативное, метафорическое значение, исходный образ и основание уподобления – символ метафоры (по Г.Н. Складневской) [Складневская, 2004, с. 51].

1. Анализ системы метафорических значений – отправной пункт исследования гендерного фрагмента языковой картины мира. На этом этапе определяем набор метафор, специфичных при характеристике мужчин и женщин. Метафорические номинации лица объединяются в группы по типу сферы-мишени метафорической экспансии: «человек» ↔ «мужчина» ↔ «женщина».

Наличие метафор, сфера денотативной отнесенности которых ограничена по гендерному основанию, свидетельствует о существовании «гендерного фрагмента» в языковой картине мира. Гендерные метафоры анализируемого типа противопоставлены **гендерно немаркированным** метафорам, которые в переносном значении называют человека на основании образного уподобления явлениям раз-

¹ См. о функционально-семантической типологии предикативных имен [Арутюнова, 1980, с. 156–250].

ных концептуальных сфер по **единому набору** признаков при отнесении метафорического имени к мужчине и женщине.

В свою очередь, гендерные метафоры по характеру маркирования в них оппозиций «типично мужского» и «типично женского» делятся на два подтипа, для обозначения которых мы вводим термины «жестко гендерно маркированные» и «нежестко гендерно маркированные метафоры». В первом подтипе – в жестко гендерно маркированных метафорах – отражением гендерного аспекта в семантике имени является, во-первых, содержание интегральных компонентов метафорического значения, определяющих границы денотативной отнесенности имени и отсылающих к типу сферы-мишени, во-вторых, содержание дифференциальных компонентов метафорического значения, соотносящихся с символом метафоры – основанием метафорического уподобления. Номинации этого типа в переносном значении образно характеризуют либо мужчину, либо женщину, и на основе образного уподобления явлениям разных концептуальных сфер актуализируют в символе метафоры специфически женские или специфически мужские качества.

Нежестко гендерно маркированные метафоры отражают гендерную асимметрию только на уровне символа метафоры: одно и то же метафорическое имя в разных контекстах характеризуют и «человека вообще», и мужчину, и женщину, но по набору различных признаков. То есть метафоры этого подтипа в переносном значении обозначают человека на основании образного уподобления явлениям разных концептуальных сфер, при этом специфически женские или специфически мужские качества при контекстном отнесении к мужчинам и женщинам либо актуализируются, либо гендерные различия стираются. Вследствие этого гендерные метафоры данного подтипа могут быть дифференцированы только на основании контекстного анализа значительного корпуса текстов.

Проведенный анализ корпуса метафорических номинаций лица по лексикографическим и текстовым источникам показал, что в их составе доминируют именованья мужчин и женщин как соотносенных концептов, но не именованья «человека вообще»: соотношение гендерно маркированных и гендерно немаркированных метафорических номинаций лица составляет 70% к 30%. При этом в составе гендерно маркированных номинаций образные характеристики мужчин и женщин представлены практически в равном соотношении: жестко маркированные метафоры соотносятся с метафорическими характеристиками мужчин и женщин 51,3% к 48,7%; при обобщении состава жестко и нежестко гендерно маркированных номинаций соотношение остается практически тем же: 52,8% к 47,2%.

2. Выявление своеобразия способов, направлений образной характеристики мужчины и женщины является важнейшей задачей при моделировании гендерного фрагмента языковой картины мира. Это своеобразие выявляется в процессе анализа двух других структурных элементов метафорических значений: прямого номинативного, являющегося базой формирующихся образов, и переносного, метафорического. Соотнесение метафорических номинаций противопоставленных сфер-мишеней «человек» ↔ «мужчина» ↔ «женщина» и типовых сфер-источников приводит к выделению спектра метафорических моделей (ММ).

Проведенный анализ показал, что гендерно немаркированные и маркированные метафорические номинации человека в русской языковой картине мира не противопоставлены по типу привлекаемых сфер-источников метафорической экспансии.

Так, метафорические номинации «человека вообще» формируются в рамках базовых моделей:

– «человек – это животное»: *овца* ‘покорный, смиренный’ – *Круциферский заметил, что вопрос о приданном совершенно чужд для него. Негров был доволен собою и думал про себя: – Вот настоящая овца, а еще ученый. И. Тургенев; И о ее жизни с Гришей Людмила кое-что порассказала. Эта овца, оказалось, все*

терпела – от свекрови и от мужа, пока Люда не решила положить этому конец. Н. Катерли;

– «человек – это артефакт»: стена ‘надежный, с сильным характером’ – Но только с Линой у него определённно ничего не получится. Она **стена** для таких, как он. Ю.О. Домбровский; Я была замужем 27 лет, и все это время рядом со мной было даже не плечо, а **стена!** И поэтому, когда мужа не стало, у меня и у дочерей поначалу был дикий страх: «Что мы будем делать? Как жить?». О. Дубова;

– «человек – это птица»: ворона ‘рассеянный, невнимательный’ – **Ворона!** – перебил он вдруг сам себя. Пропустил почтовый ящик. А. Куприн; И тут она вспомнила. – Фу ты! – она даже засмеялась от облегчения. – Вот **ворона!** Я ж его на столе оставила! В. Рыбаков;

– «человек – это растение»: кипарис ‘стройный, статный’ – Она жутко ленивая, лишнего шагу не ступит, наверное, поэтому и жирная такая. Впрочем, я сама не **кипарис**, но до Ани мне далеко. Д. Донцова; Вот наш дедушка Селиверст – лев, **кипарис**. От века Катерины богатырь. Сто десять годов! Не болел никогда. Ф.В. Gladков;

– «человек – это мифическое существо»: божество ‘достойный восхищения, поклонения, обожания; человек-кумир’ – Женщина средних веков является **божеством**: для ней турниры, для ней ломаются копья. Н. Гоголь; В Риме мы старались посмотреть всего Леонардо, всего Микеланджело. Микеланджело – мое **божество**. В.И. Мухина.

Гендерно маркированные метафоры также формируются в рамках моделей, образованных с привлечением тех же сфер-источников. Ср., с одной стороны метафорические модели:

– «мужчина – это животное»: буйвол ‘крепкое телосложение’ – Он погладил рукой бок. – Намял он тебе? – Вот именно – намял. Здоровый **буйвол**, а бороться не умеет. В. Шукшин;

– «мужчина – это артефакт»: ботало ‘болтливый’ – Про то, что не вражеским, своим он снарядом, по его же личной просьбе, изувечен, Колька-дзык умалчивал. Не поймут. **Ботало**, скажут, трепло, скажут. В. Астафьев;

– «мужчина – это птица»: павлин ‘заносчивый, важничающий’ – Что Леша? Леша – **павлин**. Леше зеркало подавай. Во всю стену, на всю жизнь. Чтобы я вечно рот раскрывала от удивления: какой **гениальный!** В. Корнилов;

– «мужчина – это растение»: сморчок ‘маленький рост’ – Это яд, уж давно отравлявший наше общество, силу забрал! – Восклищал, словно с неба упавший, суюсь всюду, **сморчок-генерал**. Н. Некрасов;

– «мужчина – это мифическое существо»: атлант ‘крепкое телосложение’ – Слава Богу, неведомый загорелый **атлант** ринулся в воду и на могучих руках вынес поочередно терпящих бедствие. Г. Шергова;

и, с другой стороны:

– «женщина – это животное»: выдра ‘некрасивая’ – А я... ну, сама знаешь, я и девчонкой такая же **выдра** была, ни кожи, ни рожки, голова морковная, а веснушки все равно что копейки медные. А. Эфрон;

– «женщина – это артефакт»: статуэтка ‘стройная, с тонкой талией’ – Малинкова, хорошенькая, с роскошными каштановыми волосами, с тонкой талией – настоящая **статуэтка**. И. Архипова;

– «женщина – это птица»: малиновка, канарейка ‘приятный голос’ – А голос, а? **Малиновка**, просто, **канарейка**. И мужа своего любит. И. Тургенев;

– «женщина – это растение»: береза ‘стройная, белокожая’ – Ты когда-то **березкой** была! <...> Так нежна, так стройна, так бела – Ведь когда-то **березкой** была. С. Городецкий;

– «женщина – это мифическое существо»: *мадонна* ‘внешне привлекательная, красивая’ – *Господи, какая она все-таки великолепная, красивая, светлая, его Настена! Мадонна!* А. Житков.

При том что в целом метафорическое моделирование «человека вообще» и мужчины и женщины как гендерно противопоставленных образов в русской языковой картине мира формируется на основе единых типов сфер-источников, это единство не исключает различий.

Частные различия проявляются в функциональной активности (продуктивности) выявленных концептуальных сфер-источников при моделировании образов мужчины, женщины, «человека вообще».

При метафорическом моделировании образов женщины более продуктивны образы птиц и животных. При этом в составе жестко гендерно маркированных метафор в качестве основания метафорического уподобления доминируют образы птиц (30,1%): *галка, голубка, голубица, горлица, гусыня, индюшка, канарейка, клуша, кукушка, ласточка, лебедка, лебедушка, малиновка, наседка, орлица, пава, пташка, птичка* и др.), образы животных составляют основу метафорической интеракции в 26% номинаций (*волчица, выдра, газель, кляча, коза, кобыла, кобылица, корова, кошка, львица, моржиха, ослица, пантера, россомаха, серна, слониха, тигрица*). При привлечении материала контекстных актуализаций нежестко гендерных метафор соотношение меняется – на первое место в моделировании женских образов выдвигаются образы животных (26,6%), смещая образы птиц на второе место (31,1%).

При моделировании образов мужчины в качестве сферы-источника актуализируется прежде всего концептуальная сфера животных, при этом степень мотивационной активности жестко гендерно маркированных метафор близка нежестко маркированным (45,4% к 43,4%): *баран, барс, бегемот, боров, буйвол, бык, жук, змей, зубр, жеребец, ишак, клоп, кобель, козел, кот, лев, лось, медведь, мерин, морж, олень, осел, пес, скорпион, слизняк, тигр, тюлень, шакал, шмель* и др.). Концептуальная сфера птиц при мотивации образов мужчины, уступая в активности сфере животных, близка в степени продуктивности концептуальной сфере артефактов (15,5% и 14,2% соответственно): *беркут, ворон, голубь, гусь, журавль, индюк, коршун, орел, павлин, перепел, петух, сокол* и *ботало, гвоздь, колосс, локомотив, плетень, самовар, сейф, творог, туша, шляпа, шпиль*). Однако две последние группы различаются в соотношении состава жестко и нежестко маркированных метафор: контекстно актуализируемые обозначения специфически мужских качеств характерны прежде всего для концептуальной сферы артефактов (ср. процентное соотношение 17,2% к 21,3% с приведенным выше).

Функциональное пересечение концептуальных сфер при мотивации образов мужчины и женщины создается прежде всего за счет привлечения наименований живых существ, противопоставленных по признаку пола и в языковом сознании также связанных с гендерными стереотипами. Прежде всего это касается имен животных и птиц, ср.: *корова* ‘о толстой, неуклюжей, а также неумной женщине’ – *бык* ‘о мужчине крупного телосложения’; *лошадь* ‘о крупной, нескладной женщине’ – *жеребец* ‘о мужчине, до неприличия откровенно проявляющем свои физиологические наклонности’; *петух* ‘о зазорном, заносчивом мужчине, забияке’ – *курица* ‘о глупой женщине’ – *наседка* ‘о женщине, всецело занятой своими детьми’. Предрасположенность к функционированию в качестве базы формирования образов мужчин и женщин связана с отражением в семантике наименований животных и птиц половых стереотипов их восприятия. Полагаем, что в данном случае следует говорить смысловых соотношениях такого типа как о тенденции, но не как жестких корреляциях. Так, другие варианты аспектирования исходной семантики обнаруживаем в метафорах, представленных коррелятивными словообразовательными парами, соотносящими видовое наименование и именование самки. Метафора основывается на актуализации не гендерного стереотипа,

но стереотипа восприятия поведения, образа жизни, свойств животного: *лев* 'о мужчине, отличающемся большой силой, храбростью, бесстрашием' – *львица* 'о храброй, отважной, бесстрашной женщине', *орел* 'о храбром, сильном, мужественном мужчине' – *орлица* 'о женщине с сильным, властным характером', *голубь* 'ласково-фамильярное обращение к мужчине' – *голубка* 'о целомудренной женщине'.

3. В выявлении гендерного фрагмента русской языковой картины мира наиболее яркими свидетельством своеобразия осмысления и образного именования женщин и мужчин являются основания метафорического уподобления, символы метафоры. Одна и та же сфера-источник при моделировании образов мужчин и женщин может актуализировать различные смыслы. Как отмечалось, сфера источник представлена лексикой денотативной, с идентифицирующим, многоаспектным содержанием, в результате имя в одном значении может служить источником соотносенных, но разных метафорических образов, закрепленных в предикативных метафорах.

Проведенный анализ показал, что в системе образных номинаций и человек, и женщина характеризуются в аспекте типовых признаков:

– **внешнего вида**

«человек вообще» – *жердь* 'худой, высокий' (*У нас и «Рождение Венеры» Боттичелли, и «Давид» Микеланджело, и вообще, длинный ты жердь, в моем городе произведений искусства как звезд на небе. А. Ростовский; Посмотрим, сколь тебе эта жердь нарожает! стыдно – вот и нашел отговорку. В. Шукшин*);

мужчина – *бегемот* 'толстый, грузный' (*Этот толстобрюхий бегемот написал себе из Петербурга двенадцать пар шикарного обмундирования, надеясь в Риге да в Варшаве сражаться с дамами. В. Шишков*);

женщина – *пышка* 'полная' (*И обе, заметьте себе, девушки, а младшая – Клара – еще прехорошенькая, пышка! В. Шишков*);

– **физических и физиологических признаков**

«человек вообще» – *тетеря* 'глухой' (*Она глухая, глухая совсем, ни грамма она не слышала – глухая тетеря! С. Василенко; Ведь не стацишь? – Чего! – Не стацишь, говорю! – крикнула Прасковья Игнатьевна и прошептала: – О, глухая тетеря! Ф. Решетников*);

мужчина – *самсон* 'сильный' (*Бирон продолжал: – Самсон покорился слабой, но лукавой женицине. Ум стоит телесной силы. И. Лажечников*);

женщина – *кобылица* 'обладающая крепким здоровьем' (*Екатерина вообще никогда не болеет, корова железная. А. Герасимов*);

– **ментально-психических признаков**

«человек вообще» – *тряпка* 'безвольный, слабохарактерный' (*Кусиел согласился, но он был не мужчина: если жена поселяет любовника в собственном доме, то муж её не более чем тряпка. А. Рыбаков; А ты сам знаешь: если я чего решила – так и будет. В отличие от тебя, я не безвольная тряпка. А. Иванов*);

мужчина – *ишак* 'глупый, упрямый' (*Я ему что ни день твержу – съезжай, съезжай! А он мне – куда я, на зиму глядя, с детишками съеду? Суций ишак! К. Федин*);

женщина: *волчица* 'опасная, коварная' (*За Светкой дядя твой явится. Мужик он глупый, нежадный, а жена – волчица. Все одно тебя облапошит. М. Вишневецкая*);

– **поведения**

«человек вообще» – *страус* 'трусливый' (*Как письма в защиту Сахарова подписывать, так ты храбрец, настоящий лев, а как пережить папину (и, следовательно, нашу) трагедию – страус? Прячешь голову в песок? С. Ландау; Но я не заткнула ушей. Что я, страус, что ли? Е. Гинзбург*);

мужчина – *петух* 'драчливый' (*Разве дуэли возможны? – А почему невозможны? Мужчины все петухи: вот бы и дрались. Ф. Достоевский*);

женщина – сорока ‘суетливая, вертлявая’ ([Мать дочери:] Ох, не люблю я вот таких-то верченых! Точно **сорока** на колу. Д. Мамин-Сибиряк);

– **социально значимых признаков и отношений**

«человек вообще» – винтик ‘незначительный’ (Человек – **винтик**, это ясно. Винтик не может быть незаменимой частью машины. В. Скрипкин);

мужчина – клоп ‘незначительный’ (Фархадов задохнулся. – Ты же... **клоп**, тля. Жалкий клерчишка! С. Данилюк);

женщина – жемчужина ‘выдающаяся, талантливая’ (В день, о котором я говорю, было мое первое эстрадное выступление, пьеса в четыре руки (первая в сборнике Леберт и Штарк), партнер – Евгения Яковлевна Брюсова, **жемчужина** школы и моя любовь. М. Цветаева).

Гендерная специализация проявляется в актуальности типов признаков при характеристике и именовании мужчин и женщин.

В характеристике женщин, безусловно, доминируют признаки внешнего вида – 48,8% от общего количества метафор. Весьма показательны и распределение частных семантических групп: доминируют общая оценка внешнего вида – красивая / некрасивая (31 метафора, формируемая на основе образов 5 концептуальных сфер); обозначение особенностей телосложения: стройное (22 метафоры, формируемые на основе 4 концептуальных сфер); крупное (12 метафор, 3 концептуальные сферы). Образное осмысление и номинация характерно и для других аспектов внешнего вида: неряшливость ([Прохор] Ты что **росомахой** такой бегаешь? Не причесана... **растрепана!** М. Горький); цвет волос (Ты пошлешь в логово Олега собственную дочь, **Орогост?** – Она – **лиса**. Хитрая, рыжая, ласковая и беспощадная, уж она-то разумеет, где спрятан княжич Игорь. Б. Васильев); длинные ноги (Лялька опустила на диван. Тощая, длинная, ногастая, как **кузнецик**, да ещё в платьице серо-зеленом, коротком, выше колена. Ну, **кузнецик** – и всё. Когда она села, колени поднялись выше подбородка. И. Грекова); узкая талия (Уже когда мы вернулись из Ташкента, к нам поступила учиться на первый курс дочь Г.М. Маленкова, хорошенькая, с роскошными каштановыми волосами, с тонкой талией – настоящая **статуэтка**. И. Архипова); белая кожа (Я красавиц таких, **лебедей** / С белезною такую молочной, / Не встречал никогда и нигде/ Ни в заморской стране, ни в восточной. Н. Гумилев).

Все другие аспекты образного уподобления женщины значительно уступают и по количеству узуальных метафор, и по регулярности контекстных актуализаций. Так, интеллектуальные особенности метафорически характеризуются в 4,3% метафор, другие ментально-психические особенности и поведение маркируются в 17,3% метафор от общего состава метафорических номинаций женщины. При том что женщина в аспекте межличностных, социальных отношений метафорически характеризуется не часто, важно отметить аспекты, попадающие в сферу образного осмысления – верность / неверность (Я ведь на тебе чуть было не женился тогда, после Барвихи. А ты, **сука**, на немца перепрыгнула! И. Муравьева) и материнство (<...> не то что я, **кукушка**, бросила Наську на мамыны руки, чтобы выживать без опоры на мужские плечи. М. Головановская).

Мужчины также активно характеризуются в метафорических номинациях по признакам внешнего вида – 26% от всего числа метафор, их называющих, однако эти признаки находятся в другом соотношении с ментально-психическими особенностями и признаками поведения, социальных отношений. Если при характеристике внешнего вида женщины выделение признака «крупное телосложение» имплицитивно связывается с признаком характера движения (Ах, какое уж тут лекарство, – великолепно и снисходительно произнесла Гуля – и Сан Саныч наконец понял, что он приперт... **Ладья** поплыла, и в этот же миг Сан Саныч почувствовал, что все его дурацкие комплиментарные, извилистые и дохлые слова, которые он лепетал полчаса назад, – святая, истинная правда. Л. Улицкая); то в об-

разных номинациях мужчины этот признак связан с признаком силы (*Бог бы такого не допустил. А – богатырь! Сила есть, ума не надо...* А. Трушкин).

Столь значимый аспект общей оценочной характеристики внешнего вида женщины в системе номинации мужчин представлен единичными метафорами и единичными контекстными актуализациями (*Послушай, Сенечка! А ведь ты хорош, ей богу хорош... Ведь это идеал мужчины! Аполлон, Аполлон, просто Аполлон!* А. Островский).

Отметим состав символов метафоры, широко актуализируемых в системе метафорических номинаций мужчины, при характеристике женщин представленных единичными примерами. Так, в нашем материале отмечены двадцать лексем, характеризующих мужчин в аспекте социальной значимости, в то время как характеристика женщин в этом аспекте в анализируемом материале не была представлена (*Я только поповский сын и тля перед вами, дворянами, но не оскорбляйте же меня так весело и беспутно.* Ф. Достоевский). Номинация мужчин в аспекте интеллектуальности в два раза превосходит количество метафор, характеризующих женщин (*Что же ты, дуб этакий, грязными лоскутьями рану перевязал? Эх, бить вас некому. К. Седых; Замолчи! Овечка глупая... Зарабатывальщица...* Сиди где сидишь! Б. Екимов).

В зоне активного метафорического моделирования образа мужчины находят-ся поведение и социально значимые отношения – 45,4% от общего числа метафорических именовании. Количественное преобладание номинаций, фиксирующих поведенческие и характерологические качества мужчины, считаем наиболее ярко обозначенной тенденцией спецификации образов мужчины в русской языковой картине мира, что свидетельствует о значимости деятельности в жизни мужчины, которая нацелена на достижение влиятельности, превосходства в социуме. Профессиональная несостоятельность мужчины, его инфантилизм и несамостоятельность в решении разного рода проблем, оценивается отрицательно, актуализируя смысл «незначительный». В то время как признак «значительный» при метафорическом моделировании образа мужчины ассоциативно связан с обладанием власти, авторитета и выражает положительную оценку.

Таким образом, в составе метафорической лексики, образно характеризующей человека, выявляются гендерно маркированные наименования, обнаруживающие асимметрию в составе признаков, репрезентирующих мужчин и женщин, на фоне характеристики «человека вообще».

Литература

Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 156–250.

Большой академический словарь: В 20 т. Т. 1–14. / Под ред. К.С. Горбачевича, Л.И. Балахоновой, Г.П. Князьковой и др. М.; СПб., 2004–2010. (БАС).

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2005.

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX – XX вв. М., 2000. Вып. 1: «Птицы». (СК–П).

Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII – XX вв.: В 2-х т. М., 1999. (СП).

Резанова З.И. Гендерная метафора: типология, лексикографическая интерпретация, контекстная репрезентация // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2011. № 2 (14). С. 47–57.

Русский национальный корпус. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ruscorpora.ru. (РНК).

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 2004.

Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.owl.ru/gender/ alphabet.htm](http://www.owl.ru/gender/alphabet.htm).

Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой: В 4-х т. М., 1981. (МАС).

Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1950–1965. Т. 1–17 (ССРЛЯ).